

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВЫХ СИСТЕМ ВЕДУЩИХ ДЕРЖАВ

ПОПОВ ГРИГОРИЙ GERMANOVICH,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры мировой экономики,
МАЭП,
e-mail: grigorijpopov1977@yandex.ru

Статья посвящена проблеме трансформации мировой экономики и финансов ведущих стран мира под воздействием Первой мировой войны. Доказывается, что капиталистическая система перешла к сильно стимулированной и перегруженной налогами экономике именно в результате мобилизации народных хозяйств. Автор настаивает, что финансовый кризис в Веймарской Германии был спровоцирован во многом непродуманной политикой социал-демократов, которые не уделили должного внимания проблеме послевоенного восстановления экономики. Автор также считает, что Великая депрессия стала отчасти следствием мобилизации экономики США в 1918 году.

Ключевые слова: история экономики начала XX века; Великая депрессия; экономический кризис в Веймарской республике; инфляция; рецессия; финансовая политика государства; мир-системные кризисы.

FIRST WORLD WAR AND TRANSFORMATION OF FINANCIAL SYSTEMS OF THE LEADING STATES

POPOV GREGORY, G.,

candidate of economic sciences (PhD),
associate professor of the department «World economy»,
MAEL,
e-mail: grigorijpopov1977@yandex.ru

The paper is devoted to the problem of global economy and finance of the leading countries transformation under the influence of the First world war. It is proved, that the capitalist system has moved to strongly stimulated and overloaded taxed economy as a result of mobilization. The author insists that the financial crisis in Weimar Germany was provoked largely with misguided policies of the social democrats, which didn't want to pay proper attention to problem of a post-war economic reconstruction. The author also believes that the Great depression was partly the consequence of the mobilization in United States in 1918.

Keywords: economic history at the beginning of XX century; Great depression; economic crisis of Weimar Republic; inflation; recession; state financial policy; world-systemic crises.

JEL: N21, N22, N23, N40, N42, N44, N61, N63, O11, O38, O40, P11.

Мировые войны и трансформация мир-системы, беглый взгляд на проблему

Тема мировых последствий мировых войн последние три десятилетия привлекает все больше внимания на Западе и в России. У нас, правда,

© Г. Г. Попов, 2013

экономическая составляющая мировых войн долгое время оставалась мало изученной, так как длительное время сохранялись идеологические штампы, наложенные на тему Великой Отечественной войны и Октябрьской революции. Практически до поздней «оттепели» в СССР не было принято широко публиковать мемуары и обсуждать в популярных научных изданиях итоги и характер Великой Отечественной войны. Первая мировая и гражданская войны были вообще до конца 1960-х гг. непопулярной среди советских историков темой. В девяностые годы ситуация изменилась, но на смену одним идеологическим штампам стали приходить другие.

Почему нам так важно глубоко изучать экономические последствия мировых войн? Дело в том, что в экономической теории и истории экономики XX в. проблема экстерналий часто оказывается «за кадром». Структурно все выглядит в мейнстриме науки так, что инновации и рост производительности факторов производства привели к не имевшему ранее аналогов экономическому росту. Только возникает вопрос, почему этот рост имел такой спонтанный и революционный характер, а инновационная экономика вдруг взяла быстрый старт на рубеже XIX/XX вв. и более уже не притормаживала, как это было в предыдущие столетия? Но самое важное — смена основных игроков-двигателей мирового экономического развития происходило достаточно быстро. Еще аграрные в XIX в. США с достаточно патриархальной культурой, содержащей в себе явно выраженные элементы расовой и национальной дискриминаций, за два десятилетия перед Великой депрессией вырвались в лидеры. Мало кто сегодня знает, что пусть и не столь серьезной, но все-таки альтернативой США в Новом Свете была в начале XX в. Аргентина, как центр роста, который экономически мог объединить вокруг себя немалую часть Южной Америки.

По сути, мировые войны, которые стали крайним выражением борьбы основных игроков мир-системы за лидирующее положение в ее иерархии, в значительной степени способствовали столь быстрой трансформации и мировой экономики, и национальных хозяйств отдельных стран. Здесь мы рассмотрим лишь узкую часть проблематики, обращаясь к отдельно взятым национальным экономикам и их финансовым системам. На их примере мы хотим показать высокую роль военных долгов в процессе трансформации мир-системы, знаковым событием для которой стала победа в 1933 году доллара над фунтом, что привело к окончательному слому старой модели мир-системы, основанной на доминировании колониальных империй.

Капитализм также пережил трансформацию под влиянием мировых войн, особенно Первой мировой войны. Ряд авторов называют ту эпоху кризисом капитализма (*Нуреев и Латов, 2009. С. 256-259*). Мы в корне не согласны с таким определением. Если судить о состоянии той или иной модели общества по политическим потрясениям, то эпоху Карла Великого в Европе можно охарактеризовать как кризис феодализма, когда на самом деле это был его взлет. Мировые войны стали катализатором трансформации капитализма в систему, имеющую вид управляемой иерархии, наверху которой находятся центральные банки и министерства финансов. Эта система характеризуется наличием длительно работающих схем перераспределения национального продукта и, разумеется, завышенными налогами.

Выработанная в ходе мировых войн модель капитализма не была демонтирована ни после 1918, ни после 1945 гг. По сути, мы с тех пор живем в условиях деформированного капитализма, в котором одну из ключевых ролей продолжает играть государство, особенно это касается Запада, где вес государства в экономике резко возрос в первой половине прошлого века (см. рис. 1).

Обратим внимание, что в относительно мирные 1960 и 2000 гг. развитые страны имели государственные расходы большие, нежели в мире в среднем. Эти данные противоречат неолиберальным теориям, доказывающим нам до сих пор, что «малое государство» в экономике есть залог процветания. Не участвовавшие либо

незначительно участвовавшие в мировых войнах страны третьего мира понесли заметно меньшие военные расходы, а также не приняли полностью новую модель капитализма с высокими налогами и расходами государства. Согласно неоклассическому анализу, третий мир имел более серьезные возможности для осуществления накоплений, нежели, к примеру, дважды разгромленная и вынужденная платить репарации Германия. Однако Германия в конце прошлого века была государством-кредитором, а ее экономика не страдала от дефицита капитала, когда почти во всем третьем мире наблюдалась противоположная ситуация.

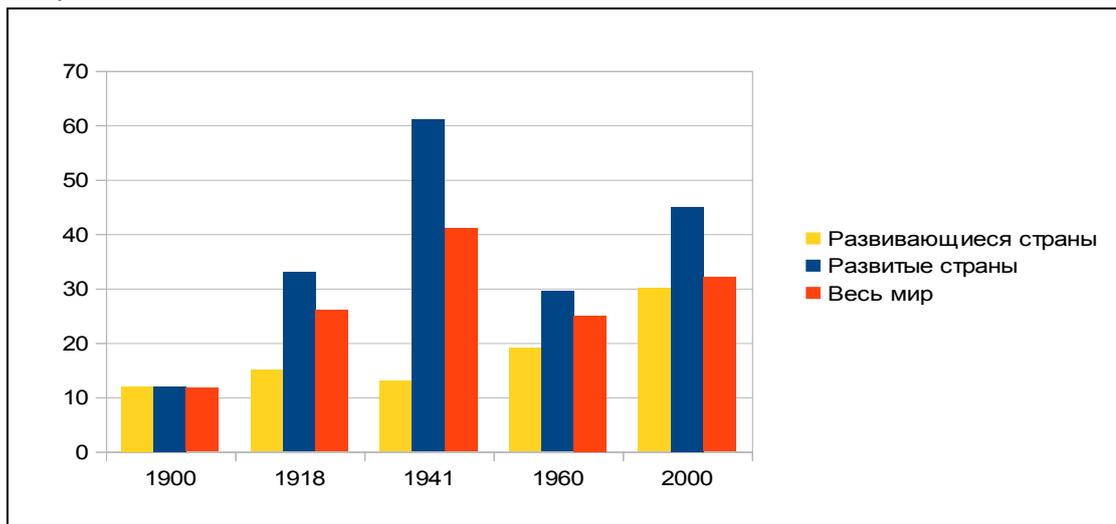

Рис. 1. Доля государственных расходов (%) в ВВП по всему миру и двум группам стран
Источник: (Попов, 2012).

Изучение эпохи мировых войн позволяет нам увидеть, что капитализм и мир-система чаще развивались не по, а вопреки базовым положениям неоклассиков.

Финансы США и межвоенная трансформация мировой валютной системы

До Первой мировой войны США были страной, в которой господствовали представления о рыночной экономике как о свободной от государственного вмешательства хозяйственной системе. Практически все администрации президентов вплоть до Вильсона стремились придерживаться именно этого принципа в стратегии. Отклонение от него президента Линкольна стало одной из причин гражданской войны 1861-1865 гг.

Политика экономической свободы, в том числе невмешательства государства в сферу кредитования, далеко не способствовали процветанию американской экономики в начале XX века. В 1913 году американский экспорт составил 2,466 млрд. долларов, когда импорт - 1,813 млрд. долларов. В 1914 г. экспорт упал почти на 100 млн. долларов, а импорт повысился на 81 млн. (Abrahamson, 1983. P. 89). В 1913 г. в США началась очередная рецессия, сопровождавшаяся падением производства и ростом безработицы до примерно 11%. Перспективы американской экономики рисовались достаточно сумрачными.

ВВП США составил в 1914 г. 38,6 млрд. в текущих ценах (Abrahamson, 1983. P. 90), что приблизительно равно 517 млрд. в ценах 1990 г. В то же время Россия в границах СССР имела ВВП 232,5 млрд. долларов в ценах 1990 г., Германия — 237,3 млрд., Австро-Венгрия без Трансильвании, Хорватии, Словакии, Галиции и Краковского воеводства — приблизительно 71 млрд. (Madisson, 2001. P. 179-182). Но, несмотря на высокий ВВП, США испытывали проблемы с платежным балансом и дефицитом кредитных ресурсов. Главным финансовым источником американской экономики за ее пределами выступала Великобритания. В 1914 г. чистый долг США

странам Зап. Европы составил 3 млрд. долларов, или почти 7% от ВВП (*Нуреев и Латов, 2009. С. 267*).

Свободная рыночная экономика США не позволяла создать условия для концентрации финансовых ресурсов в проблемных сегментах экономики, включая и, так называемые, новые отрасли, которые испытывали острый дефицит финансирования. Например, общий масштаб выпуска авиационной промышленности США в 1915 г. составил примерно 2 миллиона долларов. Кораблестроение находилось до Первой мировой войны в упадке, выпуская ежегодно продукцию на 100 млн. долларов. Американская металлургия находилась в 1914 г. в крайне тяжелом положении, задействовав только 35% своих мощностей (*Abrahamson, 1983. P. 91*). Сельское хозяйство находилось в лучшем положении, но оно зависело от спроса в городах, который вскоре после 1914 г. должен был упасть из-за рецессии.

Все изменилось после 1916 года. США стали активно сотрудничать со странами Антанты и в 1917 г. вступили в войну на ее стороне. Авиационная промышленность выпустила продукции на сумму 175 млн. долларов в 1918 году, кораблестроение — на 1,4 миллиарда долларов в том же году (*Abrahamson, 1983. P. 90*). Экспорт пшеницы вырос почти в 10 раз (с 68 миллиона долларов до 668 миллионов (*Abrahamson, 1983. P. 92*)), что помогло американскому сельскому хозяйству быстро модернизироваться, а внутренние цены на продовольствие имели тенденцию к падению после войны, что было вызвано, помимо падения внешнего спроса, еще и увеличением производительности капитала. ВВП США составил 46,7 млрд. долларов в 1918 г. в ценах 1914 г. и 76,4 млрд. (*Abrahamson, 1983. P. 89*) в текущих ценах, сильная инфляционная составляющая роста американской экономики очевидна.

Американские армия и флот фактически не нуждались в столь больших затратах, какие сделало правительство, очевидно, под давлением производителей вооружений и финансировавших их банков. Флот США почти не участвовал в серьезной войне, ведя борьбу в основном с немецкими субмаринами. Однако правительство сделало большие затраты на программы строительства дредноутов и крейсерского флота. Даже в Стодневном наступлении ключевую роль в разгроме Германии сыграли не США, а войска доминионов Великобритании.

Правительство США организовало в мае 1918 г. Военно-финансовую корпорацию во главе с активным сторонником интервенционализма Юджином Мейером. Целью корпорации было финансирование значимых для обороны производств. Но, помимо непосредственно поддержки стратегически важных компаний, в функции корпорации входило искусственное поддержание надлежащего курса государственных облигаций, на что в 1918 г. Мейером было истрачено 378 млн. долларов бюджетных денег при общем бюджете корпорации в 500 млн. долларов (*Ротбард, 2005. С. 287*).

Несмотря на демилитаризацию экономики, проведенную Вильсоном после 11 ноября 1918 г., Военно-финансовая корпорация сохранилась и превратилась в инструмент мягкого бюджетного кредитования экономики. Конгресс настоял на сохранении этой структуры с тем, чтобы через нее финансировать компании-экспортеры, так как частные банки не хотели выдавать им кредиты, ожидая начало рецессии. Ю. Мейер был убежден, что через мягкое бюджетное кредитование США удастся избежать рецессии. Тем не менее, активный сторонник *laissez faire* Дэвид Хьюстон опрокинул планы Мейера, временно прекратив в мае 1920 г. деятельность Военно-финансовой корпорации (*Ротбард, 2005. С. 290*). Но, как и предвидели многие, в конце 1920 г. на США обрушилась рецессия, коснувшись в первую очередь сельского хозяйства. Конгресс одобрил возобновление реализации плана Мейера по стимулированию экспорта через Военно-финансовую корпорацию. К лету 1923 г. корпорация выдала кредитов на сумму в 354 млн. долларов (*Ротбард, 2005. С. 292*), сильно поддержав тем самым банки Среднего Запада.

Опыт бюджетного финансирования экономики, или мягкого кредитования, появившись в годы Первой мировой войны, был взят на вооружение правительством США в 1920 гг. и в дальнейшем. Это толкало вверх инфляцию. Обесценивание денег удерживало средних американцев от увеличения вкладов в банки, но зато стимулировало американский экспорт.

Другой причиной инфляционной политики ФРС и правительства стала идея поддержки сильного фунта стерлинга, в чем был непосредственно заинтересован дом Морганов, имевший большие активы в английских банках. Чтобы золото из Британии не переливалось в американские банки, что разрушило бы золотой стандарт в Европе, ФРС шла на раздувание денежной массы и объемов кредитования экономики. Эта политика активно проводилась администрацией Гувера в годы Великой депрессии, имея под собой одним из оснований опыт Первой мировой войны и рецессии 1920-1921 гг. Это имело фатальные последствия.

В 1932 г. Гувер восстановил Военно-финансовую корпорацию, только поменяв «вывеску». Теперь эта структура называлась Корпорацией финансирования реконструкции, но суть осталась такая же, как и у ее предшественницы, и большинство персонала было оттуда же. За первое полугодие 1932 г. Корпорация выдала кредитов на сумму в 1 миллиард долларов при объеме всей денежной массы в стране около 5,3-5,4 миллиардов. 60% от выданных кредитов пошли банкам. 25% кредитов корпорации попало к ж.д. компаниям, однако вскоре эти деньги перешли тоже банкам, так как железнодорожникам необходимо было погасить долги перед банками [4, с. 300]. В конце июля 1932 г. Гувер убедил Конгресс дать Корпорации максимум свободы, проще говоря, вывести ее из-под контроля законодательной власти, а уставной фонд Корпорации был доведен до 3,4 млрд. долларов, почти 10% ВВП США на то время. Тем не менее, никакого оздоровления экономики не наступало, ж.д. компании разорялись, несмотря на помощь Корпорации, банки следовали тому же примеру, а в стране возрастал объем кредитной задолженности.

Раздутые в 1917-1919 гг. денежные масса и кредит имели следствием рост фондового рынка, так как внутренний спрос на товары и услуги был еще не так велик. На этой волне возникло много неэффективных банков и корпораций. Рынок ценных бумаг давал возможность для быстрого обогащения. Прибегнув в 1929-1932 гг. к политике дешевых денег, Гувер только усугубил ситуацию. В течение 1930 г. учетная ставка была снижена с 4,5% до 2%, когда до начала Великой депрессии она составляла 6%. Федеральный банк Нью-Йорка скупил государственных облигаций на сумму в 218 млн. долларов (*Ротбард, 2005. С. 282*). За первую же неделю после краха фондовой биржи Нью-Йорка банки Федеральной резервной системы нарастили депозиты на сумму в 1,8 млрд. долларов, что увеличило денежную массу в стране на 10% (*Ротбард, 2005. С. 280*). К концу 1929 г. общая сумма банковских резервов составила 2,35 млрд. долларов (*Ротбард, 2005. С. 281*), почти столько же, сколько и до краха фондового рынка. Это стало следствием инфляционной политики ФРС, в декабре 1929 г. многие специалисты были убеждены, что экономика выздоравливает. Однако это было видимое выздоровление. Население упорно не желало держать свои деньги в банках, из которых к декабрю 1929 г. было изъято золота на 100 млн. долларов, но в то же время пакет государственных ценных бумаг вырос на 375 млн. долларов (*Ротбард, 2005. С. 281*).

Несмотря на то, что депрессия набирала обороты, Гувер решил продолжить политику инфляционного стимулирования экономики. Только за первое полугодие 1932 г. ФРС скупила облигаций на 1,1 млрд. долларов, а дефицит государственного бюджета составил к 1932 г. 3 млрд. долларов (*Ротбард, 2005. С. 302*). В феврале 1932 г. был принят закон Гласса-Стигала, позволившей ФРС выпускать доллары, обеспеченные, помимо золота, еще и облигациями федерального правительства, это стало первым шагом к отмене размена доллара на золото. Это и позволило Федеральному резерву начать не имевшую аналогов по масштабам скупку государственных ценных бумаг и понизить учетную ставку. Население и нерезиденты стали утрачивать доверие к доллару. Золотой запас США уменьшился

на 380 млн. долларов, а банковские резервы увеличились на 10% (Ротбард, 2005. С. 302-303). Банки не спешили кредитовать экономику, так как не было стимулов для рисков, крупные банки могли положиться в надежде на выживание на дешевый государственный кредит.

Гувер решил, что в сложившейся ситуации виноваты вкладчики и в духе военной мобилизации сбережений населения повел пропагандистскую кампанию в пользу сохранения гражданами своих вкладов в банках. Это дало результаты, так как примерно с мая 1932 г. денежная масса начала расти, составив в июле 5,44 млрд. долларов (Ротбард, 2005. С. 305). Рост денежной массы должен был вывести страну из депрессии, но все произошло наоборот, банки не спешили расширять кредит, непатриотичными оказались банкиры, а не население. Вероятнее всего, такое поведение банков объяснимо бегством золота из США, а также накоплением кредитной задолженности в экономике, чему способствовала политика дешевых денег Гувера.

Администрация Гувера потеряла доверие американцев, несмотря на политику активного интервенционализма, еще до депрессии Гувер даже предлагал губернаторам штатов ввести общественные работы как средство предотвращения возможных спадов. Единственное существенное, чем отличалась от администрации Гувера администрация Рузвельта, это - политика денежного национализма, которая, по сути, свелась к отказу от привязки доллара к золоту и от его фиксированного курса по отношению к фунту стерлинга. Рузвельт фактически девальвировал доллар, его стоимость упала до 4,40 за фунт, когда англичане настаивали на твердом курсе 4 доллара за фунт (Ротбард, 2005. С. 314).

По сути, жесткий фиксированный курс доллара к фунту стал в 1920 гг. наследием Первой мировой войны, когда оказавшаяся на грани банкротства Британская империя стремилась при помощи своих союзников искусственно поддерживать фунт на определенном уровне.

Девальвация доллара, которая фактически означала возврат к валютной политике Первой мировой войны, по сути, развалила окончательно державшуюся на британском фунте систему международного валютного обмена, которая не восстанавливалась фактически вплоть до окончания Второй мировой войны.

В условиях роста экономики 1920 гг. валютная система, навязанная Западу Британией при активном участии клана Морганов, работала достаточно хорошо. Трудно сказать, было ли это всецело ее заслугой или нет, но объем частных международных инвестиций составил в 1929/1930 гг. 47,5 млрд. долларов, когда в 1913/1914 гг. он был 41,6 млрд. (Матюхов, 2000). Объем международной торговли достиг в 1929 г. небывалой ранее отметки в 83,9 млрд. долларов, когда в 1913 г. - только 64,8 млрд. долларов. В период с 1924 по 1926 гг. США навязали выгодное для себя решение проблемы военных долгов, составивших к 1919 г. более 10 млрд. долларов. Англия и Франция настаивали на аннулировании военных долгов, США надавили на их правительства. США списали только Италии ее долги, правда, обязав выплатить 20% военного долга, что составило примерно 400 млн. долларов.

Возврат к золотому стандарту в 1925 году позволил Британии стабилизировать свою финансовую систему, но при этом английские компании сдали свои позиции американским конкурентам. Только в одном Китае доля американского экспорта возросла с 6% в 1913 до 16,4% в 1926, когда доля английского экспорта в этой стране упала с 16,3% до 10,2% (Матюхов, 2000). Американцы вытеснили английский бизнес даже из Канады, где их экспорт вырос почти до 68% к началу Великой депрессии.

Как и Британия, Франция тоже присоединилась к гонке за стабильную валюту, правда, девальвировав после войны франк. В 1928 г. Франция ввела золотой стандарт. К 1930 г. французская экономика превысила довоенный уровень на 40% (Матюхов, 2000).

Великая депрессия привела к падению экспорта капитала с 2,8 млрд. долларов в 1928 г. до 311 млн. долларов в 1936 г. 25 государств прекратили платежи

по кредитам, что привело к образованию «замороженной» задолженности на сумму в 6,3 млрд. долларов (*Матюхов, 2000*).

Вероятно, мера Рузвельта — девальвация доллара — значительно способствовала росту американского экспорта в Британскую империю, почти в 3,5 раза к 1937 году. В начале правления Рузвельта английские инвестиции составляли в США почти 2,2 млрд. фунтов стерлингов, увеличившись в 1938 г. до примерно 2,3 млрд., когда американские инвестиции в Британии упали, составив примерно 4,16 млрд. долларов, по сравнению с 5,1 млрд. долларов в 1932 г. (*Матюхов, 2000*). Увеличение экспорта в американской экономике способствовало росту ее привлекательности для инвесторов, что и привело к перемещению капиталов из Англии в США.

Был и еще одно важное следствие американской финансовой политики — кризис Веймарской Германии. В 1929 г. американский экспорт в Германию достиг 401 млн. долларов США. Однако отказ администрации Гувера выделить даже минимальный долгосрочный кредит страдавшей от Великой депрессии Веймарской республике привел к развитию в немецкой экономике тяжелейшего с 1919 г. кризиса. Гувера убедил не помогать Германии Юджин Мейер. Для спасения банковской системы Германии, по оценке самих немецких финансистов, требовалась сумма в 0,5 миллиарда долларов. Кроме того, немцы просили Гувера заверить иностранных инвесторов в нормальном состоянии экономики Германии (*Ротбард, 2005. С. 295*). Вероятнее всего, помощь в 600 миллионов долларов (куда должен был войти еще и кредит в 100 млн. долларов для центрального банка Германии) и моральная поддержка Гувера могли бы если не спасти Веймарскую республику от депрессии, то стать «подушкой», которая сильно смягчила бы падение немецкой экономики. Но все карты спутал Мейер. Он убедил Гувера не давать кредиты Германии из туманного довода, что немцы, мол, «наделают глупостей».

Позиция Мейера по вопросу о помощи Германии не совсем понятна, либо он хотел приберечь денежные ресурсы для финансирования внутренних кредитов для американских банков, либо сыграло роль политическое недоверие к Германии, либо неприязнь к клану Морганов, которые активно поддерживали проект помощи немцам, подтолкнула Мейера к такому решению. Но, так или иначе, зимой 1933 г. Германия оказалась в руках национал-социалистов. Американцы потеряли для себя важный и перспективный германский рынок, получив в обмен серьезного конкурента.

Если правительство Веймара было готово идти на уступки в вопросах долга иностранным кредиторам, то национал-социалисты оказались менее сговорчивыми. На конец февраля 1933 г. внешняя задолженность Германии составила 23,3 млрд. марок (*Матюхов, 2000*). В 1934 г. Германии была списана значительная часть задолженности.

Германия была для США также источником неплохих финансовых доходов, только выплаты по облигациям, выпущенным по плану Юнга и Дауэса, обогатили американских инвесторов на 13 млрд. долларов (почти треть ВВП США), а Германия в общей сложности еще оставалась должна США почти 1,8 млрд. долларов, после прихода к власти нацистов американцам пришлось реструктурировать, или фактически почти списать этот долг. Английские и американские банкиры очень боялись большевизации Германии, поэтому закрывали глаза на фактический отказ национал-социалистов платить, в 1934 г. Рейхсбанк уже официально односторонне списал все внешние долги, кроме обязательств по плану Юнга и Дауэса.

Политика администрации Рузвельта, направленная на конкурентное выдавливание Британии с международных рынков, дало свои результаты — между бывшими партнерами по анти-германскому альянсу образовались противоречия, на которых умело играли национал-социалисты, которым удалось добиться от англичан создания клиринговой системы расчетов между Германией и Британской империей, что облегчило доступ немецким компаниям не только на сырьевые

рынки, но и на международный рынок военных технологий.

В 1935 г. почти две трети всей импортированной Германией меди было реимпортировано из США через Англию. 50% никеля Германия до войны получала из Канады по сниженным ценам, а остальной никель Третий рейх приобретал через английские фирмы (*Матюхов, 2000*). Помимо этого, нацисты получали от английских и американских фирм новейшие образцы военной техники и лицензии.

Зимой 1933 г. Гувер бросил обвинения в адрес Уолл Стрит, что ее дельцы специально обвалили фондовый рынок, а затем бесовестно играли на понижение акций, спровоцировав тем самым депрессию. Многие тогда признали подозрения Гувера смешными, однако авторы нового курса уже из администрации Рузвельта подхватили идею Гувера, переросшую вскоре в целую концепцию. В 1933 г., по инициативе Рузвельта, был принят знаменитый закон о банках, запретивший коммерческим банкам выпускать ценные бумаги и заниматься операциями на фондовом рынке, кроме операций с государственными бумагами. Инвестиционным банкам было запрещено держать депозиты. Проценты по вкладам до востребования оказались под запретом. Данные меры привели к сокращению на рынке доли мелких и средних банков, конкуренция за мелкого вкладчика через запрет начислять проценты на депозиты до востребования была прекращена, что увеличило концентрацию банковского капитала. Банковская сфера была жестко разделена на коммерческие и инвестиционные банки, что создало почву для картелирования банков. Федеральный банк Нью-Йорка в результате реформы утратил значительную часть своего влияния на банковский сектор страны. Принятый следом закон о ценных бумагах установил жесткие правила эмиссии ценных бумаг, лишив мелкие фирмы и банки выхода на фондовый рынок, но и оградив его от авантюристов. Были и другие меры, но все они были направлены на сокращение размеров спекулятивного капитала, работавшего на фондовом рынке и вбиравшего в себя значительную часть банковского кредита. Именно о пагубности неограниченного финансирования рынка ценных бумаг банками еще до депрессии говорил Гувер. Впоследствии Дж. Гэлбрейт даже посвятит этой теме отдельную монографию (*Ротбард, 2005. С. 295*).

В результате Нового курса Рузвельта в банковской сфере, особенно «первых ста дней», как сказал один из финансистов-противников реформ, «сегодня США выделяются как страна с деспотическим центральным банком» (*Гэлбрейт 2009*). Власть над финансами страны, а, значит, и над экономикой перешла от дельцов Нью-Йорка, тесно связанных с кланом Морганов, к государственным чиновникам из Вашингтона, обязанным надзирать за Уолл-Стрит.

Реформы Рузвельта имели эпохальные следствия для мировых финансов и экономики. Чтобы понять всю революционность «финансового национализма» Рузвельта, надо вернуться на несколько лет назад, в Европу 1920-х, когда возникла связка доллар-фунт, что означало необходимость со стороны ФРС инфлировать доллар, так как Центральный банк Британии упорно хотел поддерживать золотой паритет и дорогой фунт. Это препятствовало притоку золота в США, а также, напротив, выталкивало золото из американской финансовой системы. ФРС к 1924 году сделала процентную ставку в США ниже, чем в Англии, что только способствовало оттоку капитала и раздуванию дешевого кредита.

Смысл британской политики золотого стандарта был прост — обеспечить Европу стабильной валютой, а также защитить деньги кредиторов из Лондонского сити от спровоцированной Первой мировой войной инфляции. Денежная масса в Британии к 1919 г. выросла в два раза, при этом были заморожены зарплаты на высоком, военном уровне. Снижение зарплаты было рискованно социальными последствиями, профсоюзы в Англии набрали за военное время небывалую ранее политическую силу. При этом Британия вынудила ряд стран Европы тоже перейти к золотому стандарту и завышенным курсам своих национальных валют, чтобы избежать валютного демпинга на британскую экономику. От этой меры пострадали страны, вышедшие из Первой мировой войны с относительно сильной валютой, так

как от Германии, Италии, Болгарии и ряда других требовать завязать курс своих валют, приведя их к довоенному уровню, было практически бесполезно.

США для спасения основанной на фунте стерлинга валютной системе были вынуждены даже кредитовать некоторые страны Европы. Рузвельт отказался от восстановления этой системы, когда на Лондонской конференции Британия и ряд других государств выдвинули такое предложение. Рузвельт в своем письме конференции от 3 июля 1933 г. прямо заявил, что намерен придерживаться политики независимого от фунта доллара (Ротбард, 2005. С. 295). По сути, данное решение президента США окончательно похоронило идею возрождения международной валютной системы, существовавшей до кризиса. С другой стороны, это дало ряду стран возможность создать независимые валютные блоки. Надо сказать, Британия уже сделала шаг к этому, отказавшись от размена фунта на золото в 1931 г. и создав стерлинговый блок в 1932 г.

США начали создавать свой валютный блок с замедлением. Этим воспользовалась Германия, проникнув через клиринговые (фактически бартерные) соглашения на рынки Южной Америки. Юго-Восточная Европа также экономически попала в сферу влияния Германии. Яльмар Шахт своей системой клиринговых соглашений фактически подрывал позиции США и Англии на международных рынках.

В результате политики «финансового национализма» США вырвались к началу Второй мировой войны в лидеры мировой торговли. Британия сдала свои позиции, которые до этого держались в значительной степени на политике ее центрального банка.

США побеждали конкурентов на мировом рынке за счет более дешевой рабочей силы. И это тоже было во многом следствием Первой мировой войны. Американская экономика после 1915 г. получала постоянный приток новых рабочих рук из разоренной войной Европы и бедствовавшей от внутренних смут Мексики. К тому же, у американцев был постоянный трудовой резерв — дискриминируемые афроамериканцы, для которых можно было делать послабления в правах, когда возникала необходимость. Британцы изолировали население своих колоний от рынка труда своей метрополии, лишив до 1950-х гг. свою экономику столь важного трудового резерва. Кроме того, завышенные в Первую мировую войну и замороженные политикой профсоюзов на военном уровне зарплаты в промышленности сдерживали рост экспортных отраслей Британии. Но английская экономика также нуждалась и в сильной валюте, чтобы не допустить оттока капитала, поскольку это предвещала резкое сокращение кредитования экономики. Европейские финансовые рынки, в отличие от американского, болезненно реагировали на девальвации валют и на инфляцию.

Вторая мировая война окончательно разрушила и системы валютных блоков, и саму возможность восстановления фунта стерлинга как главной валюты в мире. В Бреттон-Вуде было закреплено то, что произошло в 1933 году на Лондонской конференции и чуть ранее в Нью-Йорке и Вашингтоне. Мировая экономика оказалась в зависимости от неразменного доллара и ФРС США.

Германская проблема

Экономический упадок Германии после Первой мировой войны стал ключевой проблемой Европы, предопределившей ее дальнейшее развитие. Немецкое общество никак не могло в эпоху Веймара избавиться от реваншистских настроений. На эту тему много сказано, однако главное не прояснено так до конца, стали ли репарации главным катализатором кризисных процессов в экономике Германии первой половины 1920 гг.? На наш взгляд, роль репараций в процессе скатывания немецкой экономики в гиперинфляцию несколько преувеличена.

Между ноябрем 1918 и ноябрем 1921 гг. нельзя говорить о какой-то очень серьезной инфляции в Германии, хотя по Версалу Германия стала платить репарации уже весной 1920 г. В отличие от Англии, Германия не вышла из войны со

столь жесткой налоговой системой. Но летом 1919 г. министр финансов Маттиас Эрцбергер начал самую радикальную из всех в истории страны налоговых реформ, увеличив прямое налогообложение в 13 с лишним раз, по сравнению с предвоенным временем, рекордный для Европы того времени показатель (Мануйлов, 2009. С. 483). Экономика Веймарской республики еще не завершила конверсию, когда Эрцбергер установил очень серьезное налоговое давление на бизнес.

Министр финансов Германии мотивировал свою политику необходимостью погасить внутренние военные долги, держателями которых был в основном средний класс. Однако ужесточение налогового режима только вело к росту праворадикальных настроений в среде бизнеса и юнкерства.

Вероятнее всего, в 1922 г. рост инфляции в Германии был вызван в большей степени репарациями, но в 1923 г. происходит не совсем объясненный до сих пор всплеск обесценивания немецкой марки. Репарации выплачивались и в 1921 г., и в 1920 г. Как мы считаем, гиперинфляция в Германии 1923 г. напрямую связана с оккупацией Рура и связанными с этим издержками (см. рис. 2).

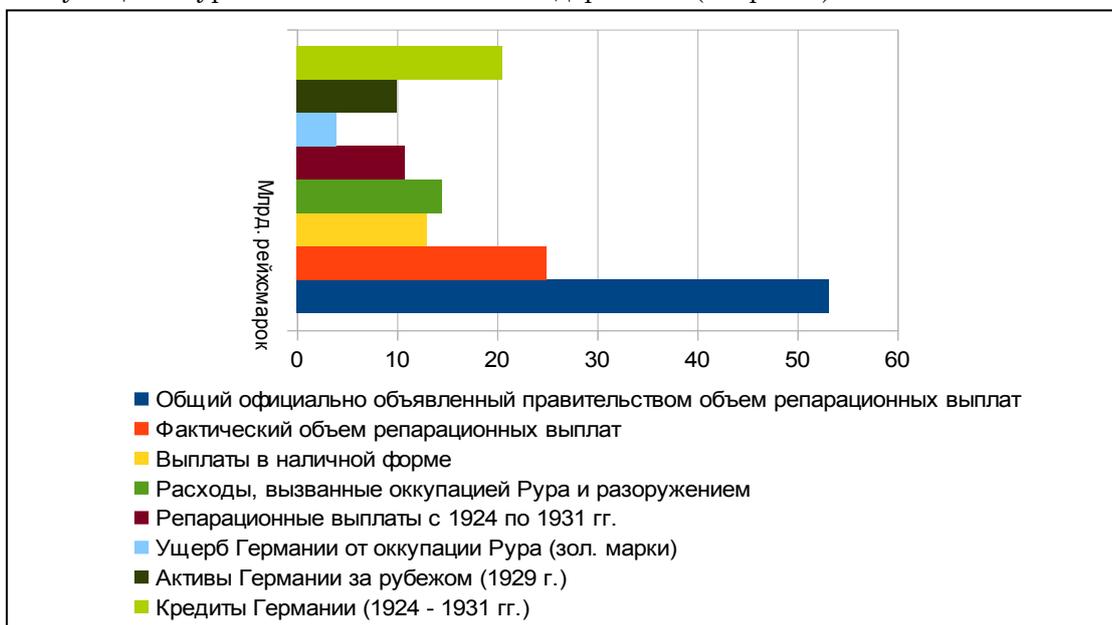

Рис. 2. Структура некоторых денежных потоков Веймарской республики
Составлено по: (Меллер, 2010. С. 120-133).

Обратим внимание, что, согласно данным рис. 2, половина репарационных выплат была сделана в неденежной форме, это означает, что репарации не могли вызвать нарушения денежного обращения в Германии в столь больших масштабах, как это имело место быть. Сама оккупация Рура стала результатом радикализации правящих верхов Германии в конце 1922 г.

Учитывая, что в Германии начала 1920 гг. значительно сократились, по сравнению с периодом Первой мировой войны, расходы на оборону (только за октябрь 1918 г. военные расходы составили 4,8 млрд. рейхсмарок (Меллер, 2010. С. 121)), репарации не могли стать главным катализатором финансового кризиса. Мы предполагаем, что свою негативную роль сыграла несвоевременная налоговая реформа, которая была бы к месту либо во время войны, когда Рейх действительно испытывал недостаток в финансировании военных расходов, либо как минимум через 3 года после подписания перемирия, когда национальное хозяйство уже прошло бы конверсию. Так или иначе, Германия в своей финансовой политике в период восстановления последовала за основными тенденциями, которые имели место на Западе, это — повышение налогов, в первую очередь прямых. По сути, Первая мировая война стала переходом от дешевого либерального государства к

дорогому государству во главе с популистскими политиками, это мнение В. Ойкена. Только нельзя сказать, что этот переход во всех случаях нес негативные последствия. Однако германский пример демонстрирует излишнее увлечение дорогим государством.

Гиперинфляция и сокращение доходов населения в 1922-1923 гг. разрушили средний класс Германии. Сильное налоговое давление в сочетании с инфляцией вело к бегству капитала, что создало почву для хронической безработицы даже в период экономического роста Веймарской Германии.

Превращение Германии в эпоху Веймара в одного из главных должников в Европе, когда до Великой войны она имела независимую от внешнего кредита экономику, и спровоцировало во многом углубление кризиса немецкой экономики в 1932 году, что и стало, на наш взгляд, одной из главных причин прихода к власти нацистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гэлбрейт Д. К. (2009). Великий крах 1929 года. М.: Поппури.

Мануйлов А. А. (2009). Финансирование войны / Великая забытая война. М.: Яуза; Эксмо.

Матюхов М. И. (2000). Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939-1941. М.: Вече.

Меллер Х. (2010). Веймарская республика: Опыт одной незавершенной демократии. М.: Российская политическая энциклопедия (РССПЭН).

Нуреев Р. М. и Латов Ю. В. (2009). Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград.

Попов Г. Г. (2012). Материалы доклада на научном заседании семинара «Деньги и денежное обращение в период формирования национальных денежных систем» Сектора экономической истории Института экономики РАН, 18 октября 2012г.

Ротбард М. (2005). История денежного обращения и банковского дела в США. Челябинск: Социум.

Abrahamson J. L. (1983). The American Home Front: Revolutionary War, Civil War, World War I and World II. Colorado Springs, Colorado: Patrick Henry University Press.

Madisson A. (2001). The World economy: a millennial perspective.

REFERENCES

Galbraith D. K. (2009). Great Crash of 1929. M.: Poppouri. (in Russian).

Manuylov A. A. (2009). Funding for the war / The Forgotten War. M.: Jauza; Eksmo. (in Russian).

Matyukhov M. I. (2000). Lost chance of Stalin. The Soviet Union in the struggle for Europe: 1939-1941. M.: Veche. (in Russian).

Meller H. (2010). The Weimar Republic: The experience of one unfinished democracy. M.: Russian Political Encyclopedia (RSSPES). (in Russian).

Nureev R. M. and Latov Y. V. (2009). Russia and Europe: the effect of gauge (the institutional analysis of the history of economic development). Kaliningrad. (in Russian).

Popov G. G. (2012). The report at a scientific session of the seminar "Money and currency in the period of national monetary systems" Sector Economic History Institute of Economics, October 18, 2012. (in Russian).

Rothbard, M. (2005). The history of money and banking in the U.S.A. Chelyabinsk: Society. (in Russian).

Abrahamson J. L. (1983). The American Home Front: Revolutionary War, Civil War, World War I and World II. Colorado Springs, Colorado: Patrick Henry University Press.

Madisson A. (2001). The World economy: a millennial perspective.